

Нет автора

Русская старина

1892. 7_9

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1892. 7_9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 800 с.

ISBN 978-5-458-02824-0

ISBN 978-5-458-02824-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сдѣлать, это отослать къ графу. Сказано—сдѣлано. Чрезъ нѣсколько дней возвратился посланный съ отвѣтомъ: „отнюдь не печатать“.

Та-же исторія повторилась со статьею и рисунками строящагося на Невѣ каменнаго моста, съ такимъ, говорятъ, прибавленіемъ: „какая надобность имѣть знать напередъ что дѣлается,—когда будетъ кончено—увидать“.

Найдутся, вѣроятно, и есть люди, которые скажутъ, что гр. Клейнмихель поступилъ весьма благоразумно и самобытно, національно, памятуя, что мы живемъ не во Франціи и Англии, и что требовать иного образа дѣйствій отъ русской администраціи значить не понимать нашего положенія и быть между небомъ и землею. Можетъ быть, все это и такъ, но тогда для чего-же утверждать было программу „Иллюстраціи“, въ которую именно входило все, что касается государственныхъ сооруженій и построекъ. Для чего-же было публиковать цензурный уставъ, весьма умѣренный и довольно пространный, если существуютъ секретныя статьи, уничтожающія въ основаніи публично известное его содержаніе и сущность?...

.... Тутъ есть немного мистицизма, Анахарсизъ - Клоотства, но это не бѣда. Бѣда въ томъ, что графу Петру Андреевичу Клейнмихелю и въ голову не входило имѣть этакія „завиральныя идеи“, а ворочаетъ онъ просто въ своемъ кругу „какъ чортъ въ болотѣ“, по народной поговоркѣ. Здѣсь, какъ видимъ, поговорка имѣетъ свое простѣйшее и ближайшее приложеніе. Новая желѣзная дорога пройдетъ черезъ болота, если они ее пропустятъ, въ чемъ многіе скептики сомнѣваются. Еще объясняю я себѣ выходку Клейнмихеля тѣмъ, что онъ имѣетъ противъ „Иллюстраціи“ злопамятованіе. Имя ея противно ему, какъ полагаю

Памятенъ также имѣ Башуцкій съ статьею своею „Водовозъ“, появившеюся въ иллюстрированномъ изданіи „Наши“, въ началѣ 1842 года. Статья была открыто возмутительная въ смыслѣ христіанства, социализма, коммунизма. Написана тепло, одушевленно, если нѣсколько, можетъ быть, и односторонне. Его звали къ Бенкендорфу, въ то время, какъ умерла его теща (М-те Квитка), сдѣлали выговоръ по особому повелѣнію „за

возстановленіе низшихъ классовъ противъ высшихъ, аристократіи"; говорятъ, будто Башуцкій отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ въ виду аристократіи, по той простой причинѣ, что ея у насъ не существуетъ, а есть чиновники... Я плохо этому вѣрю. Не жить-бы ему на бѣломъ свѣтѣ, не видать-бы ни камергерства, ни государственнаго совѣта и не печатать вовсе „Иллюстраціи“. Изданіе „Наши“ вскорѣ прекратилось.

Пословица говоритъ: „куда конь съ копытомъ, туда и райъ съ влешней“. У насъ выходитъ наоборотъ. Клейнмихель, котораго, конечно, никто не назоветъ конемъ, въ смыслѣ построенія дорогъ, ибо онѣ подвигаются въ родѣ рака, исправляясь и переправляясь съизнова,—Клейнмихель запретилъ, какъ я сказалъ выше, двѣ статьи въ „Иллюстраціи“; вотъ за нимъ и другіе тянутся туда-же

По поводу возмущенія крестьянъ въ Витебской губерніи въ 1847 г.

23-го сентября 1847 г.

Сегодня двое витебскихъ помѣщиковъ Х. и І. рассказывали мнѣ объ ужасахъ, у нихъ въ губерніи происходившихъ весною нынѣшняго года и жертвою которыхъ одинъ изъ нихъ едва было не сдѣлался. Число возмущившихся крестьянъ они полагаютъ до 25-ти тысячъ въ уѣздахъ Дриссенскомъ, Невельскомъ и Себежскомъ. Насилій и убійствъ совершено ими не было, но сопротивленіе мѣстнымъ властямъ и даже вооруженной силѣ было ожесточенное. Многіе были изъ нихъ убиты солдатами, сопротивляясь имъ съ оружіемъ въ рукахъ. Многія женщины показали свое участіе. Цѣль возстанія ихъ была, кажется, непосредственное освобожденіе изъ-подъ власти помѣщиковъ, чему подало поводъ составленіе инвентарей, отъ которыхъ они надѣются облегченія своего положенія. „Намъ будетъ лучше, говорили эти несчастливцы, — когда пріѣдетъ господинъ Инвентарь“. Они, кажется, считаютъ его лицомъ одушевленнымъ и не предполагаютъ, что подобно тому, какъ есть уже въ другихъ мѣстахъ, положеніе ихъ будетъ еще тягостнѣе. Инвентари приводятъ въ неумолимую ясность обязанности крестьянъ, мало

облегчая ихъ, мало возвышая личное ихъ значеніе и мало увеличивая права ихъ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ за себя невѣдѣніе помѣщиками всего пространства правъ своихъ; имѣютъ за себя какое-то еще старинное, патріархальное безразличіе пользованія владѣніями. Между ними не проведена еще та рѣшительная и безвозвратная черта отчужденія, которая лишитъ ихъ со временемъ участія и состраданія къ положенію ихъ, какъ людей совершенно чуждыхъ помѣщику, наемниковъ— не болѣе, а не семейныхъ, не домочадцевъ. Это слово, столько лѣтъ смягчавшее что было жестокаго и колющаго въ учрежденіяхъ нашихъ о крестьянствѣ, исчезаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изъ нашего словаря гражданской жизни. Мы смотримъ (1847 г.) другъ на друга, господа и крестьяне, съ подозрѣніемъ.

Я, живши и служа долго въ губерніяхъ, не тороплюсь обвинять начальство, зная какія у него средства въ рукахъ и какъ въ Петербургѣ не любятъ печальныхъ извѣстій, почитаая ихъ преувеличенными. Какія средства имѣютъ губернаторы во внутреннихъ юго-восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ? Сотни гарнизонныхъ солдатъ и казаковъ—и только.

Мы были свидѣтелями въ 1841 году, по Саратовской губерніи, во время бунта крестьянъ въ трехъ уѣздахъ, какія у насъ средства въ усмиренію. Едва могли послать изъ губернскаго города сотню солдатъ, да 40 казаковъ. Ослабить уѣздныя команды, безъ опасности распустить арестантовъ изъ остроговъ, было невозможно. Поневолѣ должны были обратиться къ командиру конно-артиллерійскаго резерва, генералу А** (извѣстному потерю ноги и плутовствомъ), и просить на усмиреніе его батареи. Сперва было онъ отказалъ, имѣя въ виду запрещеніе употреблять артиллерію на усмиреніе и экзекуцію, но послѣ убѣдилъ не столько, полагаю, нашими доводами, сколько мыслью, что губернаторъ дождетъ его справочными цѣнами и отводомъ пастбищъ. Одинъ видъ войска регулярнаго и съ пушками произвелъ огромное вліяніе на крестьянъ—и они вездѣ покорились волѣ начальства и не довели до дѣйствія. Нѣсколько ударовъ нагайками да розги сдѣлали свое дѣло. Впрочемъ, мы играли въ игру опасную. Артиллерія не имѣла при себѣ боевыхъ зарядовъ, или, по крайности, орудій не заряжала....

Послѣ примѣра, бывшаго въ Тамбовѣ при усмирении бунта въ 1831 году, во время холеры, невольно станешь сомнѣваться, что самые солдаты могутъ измѣнить своему знамени и протянуть руку мятежникамъ. Чтò въ такомъ случаѣ ожидаетъ высшіе классы и управляющихъ—извѣстно одному Богу. Симптомы становятся (1847 г.) страшны и многозначительны. Въ Витебской губерніи нѣкоторые грамотные крестьяне читали своимъ братьямъ публичные листы, въ которыхъ рассказывались ужасы, происшедшіе въ Галиціи въ 1846 году. Одинъ пошелъ далѣе и, вѣроятно, по тайному наущенію эмиссаровъ Польши, рассказывалъ крестьянамъ притчу о зернахъ... Грозная, многозначительная притча. Въ ней заключена, можетъ статься, вся будущая судьба царства и всего міра. Кто поживетъ, тотъ увидитъ, но, къ сожалѣнію, нельзя тутъ сказать, какъ сказалъ нѣкогда Вольтеръ въ письмѣ къ маркизу д'Аржансону, пророчествуя о революціи: „Des jeunes gens sont bien heureux: ils verront des belles choses“... ¹⁾). И онъ даже обманулся во многомъ, потому что дорого куплены тѣ прекрасныя вещи, которыхъ еще зарю видитъ его отечество

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.

28-го октября 1847 г.

Примѣчанія къ исторіи Пугачевского бунта А. С. Пушкина, имъ писанныя и оставшіяся въ рукописи.

Стр. 16. Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престоль, первый вопросъ государя гр. Гудовичу былъ: „живъ-ли мой отецъ?“

Стр. 18. Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться.

Стр. 20. Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яцкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго красно-

¹⁾ „Счастливы молодые люди: они увидятъ прекрасныя вещи“.

рѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія или публикаціи Рейнсдорпа были писаны столь-же вяло, какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

Стр. 34. Упоминаемый здѣсь Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того, Суворовъ, встрѣчая его, всегда крестился и говорилъ: „боюсь, боюсь, онъ дерется“). Нащокинъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей того времени. Сынъ его написалъ его записки; отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и, при восшествіи своемъ на престоль, звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ государю:

„Вы горячи, и я горячъ: служба впроекъ мнѣ не пойдетъ“.

Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 году.

Стр. 56. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленнымъ безъ памяти въ принцессу Екатерину, что весьма не понравилось государынѣ. Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто-бы желала возвести на престоль вел. кн. Павла Петровича. Симъ призракомъ безпрестанно смущали государыню, и тѣмъ отравляли сношеніе между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мелочныя досады и подлая дерзость временщиковъ.

Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицею и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: великій князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ—во сколько времени полкъ его (въ случаѣ тревоги) можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено и что у брата его отнимаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разспросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала:

— „Скажи брату своему, что, въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчино“.

Стр. 78. Уральскіе казаки (особливо старыя люди) до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева: „грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти-лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся: онъ намъ зла не сдѣлалъ“.

Когда упоминалъ я объ его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: „не его воля была: наши пьяницы его мучили“.

Стр. 84. Казни, производимыя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны.

Стр. 93. Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балу (въ 1775 г.) и сказала: „какъ онъ хорошъ! настоящая куколка“.

Стр. 137. Кто были сіи смысленные сообщники, управлявшіе дѣйствіями самозванца? Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣлъ распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія.

Стр. 157. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ.

Стр. 164. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ имяннымъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ-ли онъ къ защитѣ сего закона: можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противозаконна.

Общія замѣчанія. Пугачевъ имѣлъ въ народѣ множество сторонниковъ. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противоположны. НВ. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То-же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайбахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ.

Всѣ пѣмцы, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло. Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Демаринъ, Дуве и пр. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Билловъ, Декалонгъ и пр. и пр. Разбирая мѣры, предпріятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ своей цѣли; правительство, съ своей стороны, дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе о губерніяхъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей государства сдѣлалось быстрѣе etc.

Замѣтка о двухъ статуяхъ, находящихся въ музеяхъ Италіи.

О точильщикѣ и гладиаторѣ—статуяхъ во Флоренціи и Римѣ, представляющихъ типы славянина, какъ думаютъ Мицкевичъ и Байронъ, смотри Шевырева „Исторію русской словесности“, лекція вторая; Мицкевича „L'eglise officielle et le messianisme“, 1842—43, partie 1-re, и „Child-Harold“ Байрона.

Меценаты былаго времени.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ № 26-й, отъ 3-го февраля 1848 г., напечатано парижское письмо Н. И. Греча, въ которомъ онъ называетъ представительное правленіе кукольною комедіею.

Въ той-же „Пчелѣ“ отъ 9-го февраля 1848 г. № 31, въ фельетонѣ, по случаю драмы А. Дюма „Монте-Кристо“, рѣчи Одильона-Барро названы лаемъ.

Любопытно сравнить эти выходки съ мнѣніемъ Пушкина, написавшаго, между прочимъ, и „Къ клеветникамъ“, и „Бородинскую годовщину“, и „Родословчюю моего героя“, и „О ценсурѣ“,—любопытно, говорю, сравнить съ стихотвореніемъ его

„Къ вельможѣ“ (Собр. сочин. 1838 г., т. III, стр. 173), гдѣ онъ, говоря о представительномъ правленіи, выражается такъ:

„Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой“.

Можно только улыбнуться тому, что съ этими политическими разсужденіями Пушкинъ обратился къ человѣку, оставившему по себѣ память одного изъ несправимыхъ представителей времени регентства (*du bon vieux temps*), которому въ голову, вѣроятно, никогда не входили этакія отвлеченности. Мнѣ осталось памятно то представленіе меня князю Н. Б. Юсупову (вельможа) въ 1824 году, которое имѣло цѣлю опредѣленіе меня въ училище какое-то (кажется дворцовое), находившееся въ его завѣдываніи. Помню эти огромныя залы, убранныя во вкусѣ Людовика XV, множество картинъ и статуй, множество грубой челяди; наконецъ, кабинетъ сибарита, его пресыщенную, сонную фигуру, бѣлый шлафоръ и церемонію его пудренія головы.

Странно, что Пушкинъ не нашелъ въ Россіи къ кому обратиться съ прекрасными своими стихами. Тогда еще живы были и Мордвиновъ и Витгенштейнъ... Конечно, нельзя задавать поэтѣмъ темъ для ихъ сочиненій; но неужели нельзя требовать, чтобы они оставались вѣрными дѣйствительности, времени, лицу... Намъ непремѣнно хочется имѣть представителей по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, *célébrités de tous genres*¹⁾, и, благодаря этому усилію, мы производимъ въ меценаты и покровители искусства людей тщеславныхъ и самыхъ незначительныхъ. Пора-бы намъ опомниться и опредѣлить ясно что такое были покровители свободныхъ искусствъ во времена Екатерины, Александра I-го и наше (1848 г.). По всему можно, кажется, заключить, что мало, если вовсе не было людей, понимавшихъ искусство въ высшемъ его значеніи. Чтобы убѣдиться въ томъ, надобно припомнить исторію Тредьяковскаго съ Волынскимъ, участь Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера, пріѣзжавшаго

¹⁾ Знаменитостей всякаго рода.

въ Россію и вовсе не оцѣненнаго; обращеніе Вяземскаго (генераль-прокурора) съ Державиннымъ; положеніе Карамзина, самого Пушкина... Что-же касается до искусствъ, то можно убѣдиться сколько понимали въ немъ толку по коллекціямъ Эрмитажа, академіи, дворцовъ и домовъ нашихъ вельможъ, гдѣ на сто посредственностей едва-ли приходится одна порядочная. Много въ этомъ отношеніи открылъ глаза Л. Вiардо (мужъ пѣвицы, переводчикъ на французскій языкъ съ помощію другихъ, части „Героя нашего времени“, „Тараса Бульбы“ и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“) своею книгою „Musées de l'Europe“¹⁾, гдѣ онъ рассказываетъ исторію основанія нашего Эрмитажа. Что мы до сихъ поръ едва лепечемъ въ искусствахъ—доказательство тому отсутствіе народной школы въ живописи и архитектурѣ и жалкое состояніе академіи художествъ, едва доступной (1848 г.) безъ разныхъ формальностей и протекцій. Монферанъ въ великолѣпномъ (парижскомъ) изданіи „L'église de St. Isaak“ пресерьезно увѣряетъ, что съ построеніемъ ея началась новая эра для искусствъ въ Россіи, долженствующая прославить настоящее царствованіе. Я позволяю себѣ сомнѣваться и укажу г. Монферану, что вѣкъ Людовика XIV, конечно столь громкій постройками и предпріятіями, едва не стоившими гибели государству, ничего не произвелъ безсмертнаго и общевсмірнаго. Два-три имени всплыли изъ рѣвки забвенія, поглотившей посредственности, трудившіяся исполнять причуды и фантазіи Людовика XIV: Мансаръ, Перольтъ... можетъ быть еще Ле-Бренъ, Ле-Нотръ, но и то какъ хорошіе спеціалисты. Еслибъ мнѣ не указали на конныя группы, стоящія у входа въ Елисейскія поля и Тюльерійскій садъ, знаменитаго и прославленнаго Куту (Coustou)—я право и не догадался-бы... такъ это все ложно и оляповато.

¹⁾ „Музеи Европы“.

Къ библиографіи переводныхъ и отечественныхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина.

Въ библиографіи, помѣщенной въ № 31-мъ отъ 7-го февраля 1848 г. „Спб. Вѣдомостей“, подписанной К. П. (Ксенофонтъ Полевой) находится извѣстіе о переводѣ Евстафіемъ Ольдекопомъ, извѣстнымъ нашимъ лексикографомъ, на нѣмецкій языкъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ текстомъ русскимъ (en regard), едва не подавшемъ поводъ къ процессу между поэтомъ и переводчикомъ. Полевой находитъ, что эта черта любопытная. Въ чемъ-же? Неужели Пушкину должно было оставаться равнодушнымъ къ этому, едва-ли и нынѣ законами опредѣленному, нарушенію права авторской собственности? Я удивляюсь даже, что онъ не имѣлъ дѣла насчетъ этого. Вспомнимъ процессы Вольтера съ издателями Байрона, Шатобріана et tant d'autres. Ксенофонту Полевому не слѣдовало-бы трогать этихъ щекотливыхъ предметовъ, чтобы не тревожить праха покойнаго брата Николая Алексѣевича. Лучше-бы онъ сдѣлалъ, если-бы означилъ съ точностію—когда и гдѣ именно сдѣлано изданіе нѣмецкаго перевода Ольдекопомъ?

Кстати объ изданіяхъ Пушкина:

Въ Росписи російскимъ книгамъ Смирдина (изд. 1828 г.) изданія разныхъ сочиненій Пушкина означены такъ:

1) № 6637. Стихотворенія Александра Пушкина. Спб., въ тип. Деп. Народн. Просвѣщ. 1826 г. (8).

2) № 6751. „Бахчисарайскій фонтанъ“, соч. Ал. Пушкина. М., въ т. Семена, 1824 г. (8). То-же, изданіе 2-е, исправленное. Спб., въ т. Деп. Народн. Просв. 1827 г. (16). (NB. Кажется, въ 1827 г. или 1826 г. вышелъ въ свѣтъ переводъ на нѣмецкій или французскій языкъ. Такъ-ли и чей онъ?).

3) № 6752. „Братья разбойники“, соч. Ал. Пушкина. М., въ тип. Семена, 1827 г. (8).

Въ переводѣ соч. Пушкина, вышедшемъ въ Парижѣ въ концѣ 1846 года (*Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine par H. Dupont, 1847*), въ библиографической статьѣ, кажется сообщенной переводчику Плетневымъ (П. А.), см. стр. IX предисловія, я нашелъ на стр. 20-й слѣдующее: „il ajouta au second („Les frères brigands“) une introduction courte, il est vrai, mais si remar-